

48	0062-3	ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ	"Дыханье века моего"	Часть 1 "Блюз электрической пилы"
		Вышла в свет в декабре 2000 г.		33.33
49	0062-4	ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ	"Дыханье века моего"	Часть 2 "Эмигрант"
		Вышла в свет в декабре 2000 г.		32.11

XX-му веку посвящается

ЦИКЛ 2

«ДЫХАНЬЕ ВЕКА МОЕГО» (Коренблит – Ходасевич)

От собеседника

Подходит к концу этот безумный век, разрушивший, пожалуй, значительно больше, чем создавший. Чем он может похвастать накануне своей смерти: загубленной природой, уничтоженными людьми и зверями, повергнутыми религиями, отнятыми у всего живого надеждами на лучшее будущее?..

Владислав Ходасевич с великолепной иронией описал в своих стихах начало века и... (о, Боже!) - вот уже его конец, а на дворе всё то же. Мы как будто застыли в прошлом, нас как будто ничто не научило?!

"Дыханье века моего" - мне представляется опасным, отравленным, непредсказуемым или даже наоборот, примитивно предсказуемым, - лучше не будет! Остается только надеяться на благосклонность века грядущего.

"Блюз электрической пилы"- основной мотив разрушения как человека - "венца природы" (в чём лично я сильно сомневаюсь), так и просто дерева, спиленного у Вас под окном по распоряжению легендарного "управдома". Остановить её никто не хочет: если пилят - значит кому-то это нужно. А нужно ли это Вам, мой Слушатель?

"Эмигрант" - одно из величайших "достижений", которым может похвастаться почти любое государство. Вот уж где преуспели. Куда там гуннам, скифам и татаро-монголам. Счет пошел давно на миллионы. И эти "граждане земли" летают, как былинки по воздуху, ожидая последней приписки-прописки под грустным названием Мать-Земля.

Ваш Станислав Коренблит

Часть 2 "Эмигрант"

1(24). Эмигрант	- 2.20
2(25). Грешница	- 1.41
3(26). Вино	- 1.57
4(27). Веселье	- 1.04
5(28). Девушке	- 2.15
6(29). Европейская ночь	- 1.10
7(30). О пище	- 1.04
8(31). Гадание	- 1.24
9(32). Акробат	- 1.15
10(33). Берлинское	- 1.10
11(34). Ваш мир	- 0.46
12(35). Обман	- 0.54
13(36). Узкий ремешок	- 0.50
14(37). Что это?	- 1.01
15(38). Два правила	- 1.44
16(39). Пусть	- 1.43
17(40). Я	- 1.20
18(41). Должно быть	- 1.06
19(42). Нет! полно!	- 0.58

20(43). Отшельник	- 1.04
21(44). Раздумье	- 1.50
22(45). Достижения	- 1.06
23(46). Нет, не я	- 1.06
24(47). Кто кого	- 1.23
<i>Общее время звучания - 32.11</i>	
<i>Общее время звучания - 65.44</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 2 "Эмигрант"

1. ЭМИГРАНТ

Сидит в табачных магазинах,
 Погряз в простом житье-бытье
 И отражается в витринах
 Широкополым канотье.

Как муха на бумаге липкой,
 Он в нашем времени дрожит
 И даже вежливой улыбкой
 Лицо нездешнее косит.

Он очень беден, но опрятен,
 И перед выходом на пляж
 Для выведения разных пятен
 Употребляет карандаш.

Он все забыл. Как мул с поклажей,
 Слоняется по нашим дням,
 Порой просматривает даже
 Столбцы газетных телеграмм.

За кружкой пива созерцает,
 Как пляшут барышни фокстрот, -
 И разом вдруг ослабевают,
 Как сердце в нем захолонет.

О чем? Забыл. Непостижимо,
 Как можно жить в тоске такой!
 Он вскакивает. Мимо, мимо,
 Под ветер, на берег морской.

Колышется его просторный
 Пиджак - и, подавляя стон,
 Под европейской ночью черной
 Заламывает руки он.

2. ГРЕШНИЦА

Высоких слов она не знает,
 Но грудь бела и высока

И сладострастно вздыхает
 Из-под кисейного платка.
 Ее стопы порою босы,
 Ее глаза слегка раскосы,
 Но сердце тем верней летит
 На их двусмысленный магнит.
 Когда поют ее подруги
 У полнощного костра,
 Она молчит, скрестивши руки,
 Но хочет песен до утра.
 Гитарный голос ей понятен
 Отзывом роковых страстей,
 И, говорят, немало пятен -
 Разгулу отданных ночей -
 На женской совести у ней.
 Лишь я ее не вызываю
 Условным стуком на крыльцо,
 Ее ночей не покупаю
 Ни за любовь, ни за кольцо.
 Но мило мне ее явленье,
 Когда на спящее селенье
 Ложится утренняя мгла:
 Она проходит в отдаленье,
 Едва слышна, почти светла,
 Как будто Ангелу Паденья
 Свободно руку отдала.

3. ВИНО

Опять во тьме. У наших ног
 Простертых тел укромный шорох,
 Неясный крик, несмелый вздох
 И затаенный страх во взорах.

Опять сошлись. Для ласк и слез,
 Для ласк и слез - увы, не скрытых!
 Кто чашу скорбную вознес,
 Бокал томлений неизбытых?

Кто опрокинул надо мной
 Полночных мук беззвездный купол,
 И в этот кубок чьей рукой
 Подлит отравы малый скрупул?

Ужели бешеная злость
 И мне свой уксус терпкий бросит?
 И снова согнутая трость
 Его к устам, дрожа, подносит?

Увы, друзья, не отойду!

Средь ваших ласк - увы, не скрытых -
 Еще покорней припаду
 К бокалу болей неизбытых...

Пылай, печальное вино!
 Приму тебя как знак заветный,
 Когда в туманное окно
 Заглянет сумрак предрассветный.

4. ВЕСЕЛЬЕ

Полузабытая отрада,
 Ночной попойки благодать:
 Хлебнешь - и ничего не надо,
 Хлебнешь - и хочется опять.

И жизнь перед нетрезвым взглядом
 Глубоко так обнажена,
 Как эта гибкая спина
 У женщины, сидящей рядом.

Я вижу тонкого хребта
 Перебегающие звенья,
 К ним припадаю на мгновенье -
 И пудра мне пылит уста.

Смеется легкое созданье,
 А мне отраднo сочетать
 Неутешительное знанье
 С блаженством ничего не знать.

5. ДЕВУШКЕ

Зачем ты за пивною стойкой?
 Пристала ли тебе она?
 Здесь нужно быть девицей бойкой, -
 Ты нездорова и бледна.

С какой-то розою огромной
 У нецелованных грудей, -
 А смертный венчик, самый скромный,
 Украсил бы тебя милей.

Ведь так прекрасно, так нетленно
 Скончаться рано, до греха.
 Родители же непременно
 Тебе отыщут жениха.

Так называемый хороший
 И вправду - честный человек
 Перегрузит тяжелой ношей

Твой слабый, твой короткий век.

Уж лучше бы - я еле смею
Подумать про себя о том -
Попастся бы тебе злодею
В пустынной роще, вечерком.

Уж лучше в несколько мгновений
И стыд узнать, и смерть принять,
И двух истлений, двух растлений
Не разделять, не разлучать.

Лежать бы в платьице измятом
Одной, в березняке густом,
И нож под левым, лиловатым,
Еще девическим соском.

6. ЕВРОПЕЙСКАЯ НОЧЬ

С берлинской улицы
Вверху луна видна.
В берлинских улицах
Людская тень длинна.

Дома - как демоны,
Между домами - мрак;
Шеренги демонов,
И между них - сквозняк.

Дневные помыслы,
Дневные души - прочь:
Дневные помыслы
Перешагнули в ночь.

Опустошенные,
На перекрестки тьмы,
Как ведьмы, по трое
Тогда выходим мы.

Нечеловечий дух,
Нечеловечья речь -
И песьи головы
Поверх сутулых плеч.

Зеленой точкою
Глядит луна из глаз,
Сухим неистовством
Обуревая нас.

В асфальтном зеркале

Сухой и мутный блеск -
И электрический
Над волосами треск.

7. О ПИЩЕ

Нет, не найду сегодня пищи я
Для утешительной мечты:
Одни шарманщики, да нищие,
Да дождь - всё с той же высоты.

Тускнеет в лужах электричество,
Нисходит предвечерний мрак
На идиотское количество
Серошестипалых собак.

Та - ткнется мордою нечистою
И, повернувшись, отбежит,
Другая лапою когтистою
Скребет обшмыганный гранит.

Те - жилища, присев на корточки,
Повесив на бок языки, -
А их из самой верхней форточки
Зовут хозяйские свистки.

Всё высвистано, прособачено.
Вот так и шлепай по грязи,
Пока не вздрогнет сердце, схвачено
Внезапным треском жалюзи.

8. ГАДАНИЕ

Ужели я, людьми покинутый,
Не посмотрю в лицо твое?
Я ль не проверю жребий вынутый -
Судьбы слепое острие?

И плавлю мертвенное олово.
И с тайным страхом в воду лью...
Что шлет судьба? Шута ль веселого,
Собаку, гроб или змею?

Свеча колеблет пламя красное.
Мой Рок! Лицо приблизь ко мне!
И тень бессмысленно-неясная,
Кривляясь, пляшет на стене.

9. АКРОБАТ

От крыши до крыши протянут канат
Легко и спокойно идет акробат.

В руках его - палка, он весь - как весы,
А зрители снизу задрали носы.

Толкаются, шепчут: "Сейчас упадет!" -
И каждый чего-то взволнованно ждет.

Направо - старушка глядит из окна,
Налево - гуляка с бокалом вина.

Но небо прозрачно, и прочен канат.
Легко и спокойно идет акробат.

А если, сорвавшись, фигляр упадет
И, охнув, закрестится лживый народ, -

Поэт, проходи с безучастным лицом:
Ты сам не таким ли живешь ремеслом?

10. БЕРЛИНСКОЕ

Что ж? От озноба и простуды -
Горячий грог или коньяк.
Здесь музыка, и звон посуды,
И лиловатый полумрак.

А там, за толстым и огромным
Отполированным стеклом,
Как бы в аквариуме темном,
В аквариуме голубом -

Многоочитые трамваи
Плывут между подводных лип,
Как электрические стаи
Светящихся ленивых рыб.

И там, скользя в ночную гнилость,
На толще чуждого стёкла
В вагонных окнах отразилась
Поверхность моего стола, -

И, проникая в жизнь чужую,
Вдруг с отвращеньем узнаю
Отрубленную, неживую,
Ночную голову мою.

11. ВАШ МИР

Мне каждый звук терзает слух,
И каждый луч глазам несносен.
Прорезываться начал дух,
Как зуб из-под припухших десен.

Прорежется - и сбросит прочь
 Изношенную оболочку.
 Тысячеокий - канет в ночь,
 Не в эту серенькую ночку.

А я останусь тут лежать -
 Банкир, заколотый апашем, -
 Руками рану зажимать,
 Кричать и биться в мире вашем.

12. ОБМАН

Может быть, играет Дьявол
 Страшную игру,
 Учит вере: "Здесь побуду
 И потом умру".

Шепчет смутно бледным, слабым,
 Что не им - искать,
 Что лишь маска жизни - правда,
 И на ней - печать.

Этот шепот - в свисте ветра,
 В шелесте ветвей...
 Он трусливых заставляя
 Дверь закрыть плотней,

Укрываться за стенами
 В мертвенный покой
 И забыть, что там, за дверью, -
 Неизбежный бой.

Каждый слабый рано ль, поздно ль,
 Иль в ином миру
 Крикнет: "Горе. Я обманут!
 За обман - умру".

13. УЗКИЙ РЕМЕШОК

Висел он, не качаясь,
 На узком ремешке.
 Свалившаяся шляпа
 Чернела на песке.
 В ладонь впивались ногти
 На стиснутой руке.

А солнце восходило,
 Стремя к полудню бег,
 И, перед этим солнцем
 Не опуская век,
 Был высоко приподнят

На воздух человек.

И зорко, зорко, зорко
Смотрел он на восток.
Внизу столпились люди
В притихнувший кружок.
И был почти невидим
Тот узкий ремешок.

14. ЧТО ЭТО?

Что это? Что это? Толпы врагов?
Люди ли, призраки ль это?
Я ль не дойду к Тебе, Бог из Богов?
Вижу движенья запрета.

Мне вы мешаете к Богу идти?
Люди иль духи, - пустите!
Вижу маяк я на дальнем пути...
Мне ль уступить не хотите?

Молча смыкаетесь? Эй, мертвецы!
Пусть ваши лица и строги -
Я не боюсь вас, немые бойцы!
Я нападаю! С дороги!

15. ДВА ПРАВИЛА

Сквозь облака фабричной гари
Грозь костлявым кулаком,
Дрожит и злится пролетарий
Пред изворотливым врагом.

Толпою стражи ненадежной
Великолепье окружа,
Упрямый, но неосторожный,
Дрожит и злится буржуа.

Должно быть, не борьбою партий
В парламентах решится спор:
На европейской ветхой карте
Все вновь перечертит раздор.

Но на растущую всечастно
Лавину небывалых бед
Невозмутимо и бесстрастно
Глядят: историк и поэт.

Людские войны и союзы,
Бывало, славили они;
Разочарованные музы

Припомнили им эти дни -

И ныне, гордые, составить
 Два правила велели впредь:
 Раз: победителей не славить.
 Два: побежденных не жалеть.

16. ПУСТЬ

Пусть стены круты, башни стройны
 И ослепительны огни;
 Пусть льют потоки крови войны;
 Пусть переменны наши дни;

Пускай кипят, звенят, трепещут,
 Грохочут гулко города;
 Пусть время неумолчно плещет, -
 Ты надо всем горишь, звезда!

Прости мне, свет иной основы,
 Неизменяемых начал, -
 Что я тебя в борьбе суровой
 Так безрассудно забывал.

17. Я

Когда меня пред божий суд
 На черных дрогах повезут,

Смутятся нищие сердца
 При виде моего лица.

Оно их тайно восхитит
 И страх завистливый родит.

Отстав от шествия, тайком,
 Воображаясь мертвецом,

Тогда пред стеклами витрин
 Из вас, быть может, не один

Украдкой так же сложит рот,
 И нос тихонько задерет,

И глаз полуприщурит свой,
 Чтоб видеть, как закрыт другой.

Но свет (иль сумрак?) тайный тот
 На чудака не снизойдет.

Не отразит румяный лик,
 Чем я ужасен и велик:

Ни почивающих теней
На вещи бледности моей,

Ни беспощадного огня,
Который уж лизнул меня.

Последнюю мою приметку
Чужому не отдам лицу...

Не подражайте ж мертвецу,
Как подражаете поэту.

18. ДОЛЖНО БЫТЬ

Должно быть, жизнь и хороша,
Да что поймешь ты в ней, спеша
Между купелию и моргом,
Когда мытарится душа
То отвращеньем, то восторгом?

Непостижимостей свинец
Все толще над мечтой понурой, -
Вот и дуреешь наконец,
Как любознательный кузнец
Над просветительной брошюрой.

Пора не быть, а пребывать,
Пора не бодрствовать, а спать,
Как спит зародыш крутолобий,
И мягкой вечностью опять
Обволокнулся, как утробой.

19. НЕТ! ПОЛНО!

По залам прохожу лениво.
Претит от истин и красот.
Еще невиданные дива,
Признаться, знаю наперед.

И как-то тяжело, больно даже
Душою жить - который раз? -
В кому-то снившемся пейзаже,
В когда-то промелькнувший час.

Все бьется человеческий гений:
То вверх, то вниз. И то сказать:
От восхождений и падений
Уж позволительно устать.

Нет! полно! Тяжелеют веки
Пред вереницею Мадон, -

И так отрадно, что в аптеке
Есть кисленький пирамидон.

20. ОТШЕЛЬНИК

Горьки думы о земном,
О потерянном Великом.
Робко шепчут об ином
Три свечи пред темным ликом.

Смутно плачет о больном
Безотрадный вой метели.
Навсегда забыться сном
В тишине безмолвных келий.

За решетчатым окном
Занесенный снегом ельник.
О спасении земном
Помолюсь и я, отшельник.

21. РАЗДУМЬЕ

Я опьянялся цветами мирскими,
Воздух и блески я жадно внимал,
Жил воедино с волнами морскими,
Вместе с людьми ликовал и страдал.

О, колебанья несметных случайностей!
Был я натянут послушной струной,
Отдал я дань обольщению крайностей,
Был я игрушкой... Но стал я - иной.

Я не ищу обольщений обманных.
Я задыхаюсь в тумане, в бреде!..
Я от измен, как убийцы - неожиданных,
Тихо, беззвучно, светло отойду.

Снова и снова, к далекому, милому,
К нежно-неясному путь поведет.
И подойду я так близко к незримому.
Перед глазами туманность падет.

Знаю - увижу я Вечные Грани,
Знаю - пойму я Предвечный Закон.
Муку печальную прежних скитаний
Вспомню я грустно. И путь мой свершен.

22. ДОСТИЖЕНИЯ

Достигнуть! Достигнуть! Дойти до конца, -
Стоять на последней ступени,

И снова стремиться, и так - без конца...
Как радостна цепь достижений!

Бессмертно прекрасен желанный венец.
В нем - счастье всех достижений.
Равно обновляют - победный венец
И трепетный венчик мучений.

В победе - желание новых торжеств,
Стихийная сила хотенья.
Но вижу иную возможность торжеств:
Есть в муке - мечта Воскресенья.

23. НЕТ, НЕ Я

Вдруг из-за туч озолотило
И столик, и холодный чай.
Помедли, зимнее светило,
За черный лес не упадай!
Дай посиять в румянном блеске,
Прилежным поскрипеть пером.
Живет в его проворном треске
Весь вздох о бытии моем.

Трепещущим, колючим током
С раздвоенного острия
Бежит - и на листе широком
Отображаюсь... нет, не я:

Лишь угловатая кривая,
Минутный профиль тех высот,
Где, восходя и ниспадая,
Мой дух страдает и живёт.

24. КТО КОГО

Доволен я своей судьбой.
Всё - явь, мне ничего не снится.
Лесок сосновый, молодой;
Бежит бесенок предо мной;
То хрустнет веточкой сухой,
То хлопнет в лужице копытце.
Смолой попахивает лес,
Русак перебежал поляну
Оглядывается мой бес.
"Не бойся, глупый, не отстану:
Вот так на дружеской ноге
Придем и к бабушке Яге.
Она наварит нам кашицы,
Подаст испить своей водицы,
Положит спать на сеновал.

И долго, долго жить мы будем,
И скоро, скоро позабудем,
Когда и кто к кому пристал
И кто кого сюда зазвал".